

Пожилого певца дернули за бороду.

Двух ветеранов сцены осаждали дети, требуя, чтобы те сыграли для них сценки. Малышки называли их именами персонажей, а одного из актеров, игравшего злодея, даже пнул маленький мальчик.

Пэй Ваншэн же из-за своего слишком холодного и неприступного вида напугал маленькую девочку до слез, поэтому в итоге ему пришлось поменяться подопечным с одной из молодых актрис.

Двум молодым актрисам повезло больше — они не подверглись нападкам. Вероятно, женская природа располагает детей к доверию. С Хао Ляньцином дела обстояли иначе: он выглядел как большой мальчик, и его чуть ли не оседлали.

Несколько больших шишек из индустрии, привыкших чувствовать себя как рыба в воде, не могли не вздохнуть:

— Мне так тяжело!

Пожилого певца дернули за бороду.

Двух ветеранов сцены осаждали дети, требуя, чтобы те сыграли для них сценки. Малышки называли их именами персонажей, а одного из актеров, игравшего злодея, даже пнул маленький мальчик.

Пэй Ваншэн же из-за своего слишком холодного и неприступного вида напугал маленькую девочку до слез, поэтому в итоге ему пришлось поменяться подопечным с одной из молодых актрис.

Двум молодым актрисам повезло больше — они не подверглись нападкам. Вероятно, женская природа располагает детей к доверию. С Хао Ляньцином дела обстояли иначе: он выглядел как большой мальчик, и его чуть ли не оседлали.

Несколько больших шишек из индустрии, привыкших чувствовать себя как рыба в воде, не могли не вздохнуть:

— Мне так тяжело!

Без преувеличения можно сказать, что за день всех измучили до предела. Добавьте к этому двадцатиминутную тряскую дорогу на машине, и по возвращении у них даже не было сил на ужин...

Полный моральный крах!

Цинь Цзюэ был как батарейка Nanfu: его выносливость была на высоте. Вернувшись, он сварил куриный бульон, нарезал соленья и приготовил ароматный рис, полностью покоровив всех.

— Брат Цинь, ты настоящий спаситель.

— Да, спасибо, что ты есть, — подхватила молодая актриса.

— Ничего особенного, ешьте больше, впереди еще неделя, — мягко напомнил Цинь Цзюэ, словно шепотом дьявола, и вызвал стон у всех за столом.

Безэмоциональная камера продолжала снимать, как все еле двигались.

Режиссер за монитором с удовлетворением погладил подбородок и попробовал кусочек солений, которые он тайком украл.

Нашел сокровище.

В шоу-бизнесе людей делят на два типа: тех, у кого есть талант к развлекательным шоу, и тех, у кого его совсем нет. Промежуточных вариантов не существует.

Некоторые актеры прекрасно играют на экране, но стоит им попасть в реалити-шоу с прямой съемкой, как они теряются. Ведь не каждый может быть таким идеальным, как образ, созданный пиарщиками.

Но Цинь Цзюэ был другим. Когда мама Пэй Ваншэна принесла ему его последние нарезки, режиссер действительно сомневался. Но раз он смог придумать такую новаторскую программу, то был достаточно смелым. Независимо от того, как проявит себя Цинь Цзюэ, это станет неплохим разнообразием, и, возможно, даст интересный результат.

На самом деле Цинь Цзюэ превзошел все ожидания, особенно утром, когда он разговаривал с тем малышом. Режиссер с его многолетним опытом съемок и умением читать людей felt that he couldn't see through this man.

После ужина две актрисы явно были так уставши, что еле стояли на ногах, но всё же с трудом выдавили улыбки и предложили помыть посуду. Цинь Цзюэ поспешил их остановить.

— Ничего, вы девушки, устали за целый день, идите скорее отдыхать. Мы сами справимся, — сказал он и незаметно толкнул локтем Пэй Ваншэна, тоном не терпящим возражений добавив:

— Чего стоишь?

Молодая актриса онемела.

Хао Ляньцин замолчал.

Трое ветеранов растерялись.

Оператор замер.

Режиссер приоткрыл рот.

Не беда, если не несчастье.

Но почему он вдруг вспомнил, как жена заставляла его мыть посуду? Это было в точь-в-точь!

— Ничего, ничего, мы сами! — актрисы, испугавшись, схватили посуду и бросились на кухню. Цинь Цзюэ на мгновение замер, затем опомнился и неловко кашлянул.

— Кстати, брат Цинь, я хотел спросить тебя кое-что... насчет того ребенка, за которым я сегодня присматривал... — Хао Ляньцин, опасаясь, что эти двое подерутся, поспешил увести Цинь Цзюэ.

Трое ветеранов позвали Пэй Ваншэна попить чаю, и камера благоразумно не сняла эту сторону.

— Сяо Пэй, ты и этот Сяо Цинь, вы...?

— Нет, у нас хорошие отношения, и мама его тоже очень любит, — Пэй Ваншэн, не моргнув глазом, соврал, и даже двух ветеранов сцены ему удалось провести.

Когда Цинь Цзюэ закончил «разъяснять» всё Хао Ляньцину, Пэй Ваншэн уже ушел в душ. На самом деле Цинь Цзюэ нравился этот парень, он часто выручал его. Если бы это был он из будущего, спустя двадцать лет, он бы смог помочь ему многим, но сейчас он сам был никем, даже не актером уровня В. Было немного жалко.

За десятки лет актерской карьеры Цинь Цзюэ отточил умение выкручивать каждую свободную минуту для изучения сценария. Через неделю нужно было уже приступить к съемкам, а сценарий только что попал в руки и еще не успел остыть.

Цинь Цзюэ был так погружен в заучивание реплик, что не выпускал их из головы даже при чистке зубов. Мычание и бормотание раздавались из ванной кабинки. Заметив корзину с грязным бельем, он закинул вещи в стиральную машину, носки отложил в сторону, открыл кран и начал тереть трусы.

— Эх, этот сценарий такой банальный, — ворчал он, намыливая белье. — Сколько же воды в голове у сценариста? Неужели нельзя было встряхнуть её перед написанием?

— И...

Он тут же вошел в роль, в голосе звучала печаль.

— Ты знаешь, как долго я ждал этого дня!

Дверь ванной резко распахнулась.

На лице Пэй Ваншэна еще оставалась пена — видно, он забыл взять бритву.

Его взгляд медленно скользнул с печального лица Цинь Цзюэ вниз.

«...»

Звук душа был слишком громким!

Как в телесериалах: когда показывают красавца, принимающего душ, камера всегда скользит вниз.

Хотя в сериале этот момент обычно вырезают, в реальной жизни его не пропустишь.

К сожалению, Цинь Цзюэ не успел поздороваться с милым Пэй Ваншэном, как дверь с грохотом захлопнулась.

Он даже усмехнулся: неужели он так стесняется?

Цинь Цзюэ повернулся и продолжил тереть, но вдруг замер.

По-подожди, какой сейчас год?

Иногда привычки — это то, что трудно изменить даже вернувшись в молодость.

Цинь Цзюэ, стиснув зубы, закончил стирку, но не смог победить свою навязчивую идею и на сверхскорости выстирал носки, затем помыл руки и вышел из ванной.

Его мозг работал на полных оборотах, но прежде чем он успел всё обдумать, оправдание уже было готово.

Наверное, это просто привычка.

Когда соврал один раз, приходится придумывать тысячу других, чтобы скрыть правду.

Цинь Цзюэ не хотел лгать, но он ведь не мог подойти к великому актеру и сказать: «На самом деле я твоя будущая жена, мы женаты почти двадцать лет. Сюрприз? Неожиданно? Адrenalин?».

Его бы точно отправили в психбольницу.

«Я тоже был вынужден, я тоже был вынужден».

Цинь Цзюэ немного успокоил себя, бездельничал и играл с телефоном, ожидая выхода Пэй Ваншэна.

Он услышал, что вода в душе перестала течь, заурчал фен. Пэй Ваншэн возился в ванной целых полчаса, прежде чем наконец вышел.

Он ожидал, что после такого неловкого случая Цинь Цзюэ хотя бы на время уйдет, но, выйдя, увидел его сидящим на кровати. Руки Цинь Цзюэ лежали на коленях, и он выглядел как человек, совершивший проступок и пришедший каяться.

Может быть... стоит послушать, как он объяснится?

Цинь Цзюэ украдкой посмотрел на выражение лица Пэй Ваншэна и облегченно выдохнул. Есть шанс.

Они прожили с Пэй Ваншэном столько лет, что он знал его слишком хорошо. Те микроэкспрессии, которые на большом экране можно разглядеть лишь в деталях, Цинь Цзюэ замечал с одного взгляда.

— Учитель Пэй, прости, я тебя, наверное, брезгую... — на его лице застыли две доли самоиронии, одна — ностальгии, три — боли от воспоминаний, которые трудно скрыть, и три доли неловкости.

Цинь Цзюэ сразу же кинул «тяжелую бомбу». Если он будет говорить достаточно против себя, Пэй Ваншэну станет неловко его притеснять.

Это как будто случайно наступил кому-то на ногу, а наступивший кричит громче и преувеличенно извиняется, и тому, кого наступили, становится неловко злиться.

В каком-то смысле это манипуляция.

— Я просто... привык, — Цинь Цзюэ почесал голову, пытаясь скрыть в голосе ностальгию и боль. — Раньше, когда я жил в детском доме, тети стирали до двенадцати ночи. Я тогда был уже не маленьким, и, видя одежду, по привычке начинал стирать.

Цинь Цзюэ подумал и решил не использовать отговорку, что он задумался над сценарием.

Иногда чем больше говоришь, тем больше кажется, что оправдываешься.

Многословие ведет к ошибкам.

Пэй Ваншэн видел, что он хочет сказать причину, но не может, и в итоге отступил:

— Ничего, просто... я не привык. Но я не думаю, что ты меня брезгуешь.

Цинь Цзюэ с трудом выдавил улыбку, которая была хуже слез:

— Спасибо.

Он резко вскочил с кровати, схватил одежду и пошел в ванную.

Закрыв дверь, щелкнул замком — всё в одном дыхании, идеально!

Цинь Цзюэ вытер пот со лба. Это было даже утомительнее, чем играть сцену, которая постоянно идет на перебой.

Он помылся, сделал уход за кожей, постирал и развесил одежду. Когда он вышел, Пэй Ваншэн уже спал.

Стрелка часов показывала половину первого, но свет у изголовья и в коридоре всё еще горел.

Продолжение следует.

Продолжение следует.

<http://bllate.org/book/16386/1483415>